Туфли на набережной Дуная

Путешественники, впервые приехавшие в Будапешт, бывают немало удивлены, увидев на набережной Дуная несколько десятков пар обуви.

Идея мемориала на набережной Дуная принадлежит режиссёру Кену Тогаю, а воплотил ее в жизнь венгерский скульптор Дьюла Пауэр.

60 пар мужской, женской и детской обуви, отлитой из чугуна, представляют модели 1940-х годов. Это стоптанные ботинки, туфли, башмачки, стоящие вдоль набережной у края воды.Евреев привозили к набережной на грузовиках и приказывали снять обувь. Для экономии пуль сковывали цепью по 50-60 человек и стреляли только в первого. Всего одна пуля… Падая вниз, он тянул за собой всех остальных… Кроме сохранения боеприпасов, вода уносила тела, избавляя от траты времени на копание ям для захоронения.

Оставшуюся на берегу женскую,мужскую и детскую обувь, фашисты использовали для личных нужд или для продажи, т.к в то время она было ходовым товаром и хорошо продавалась на черном рынке.

Всего за период оккупации в Будапеште погибло более 10 000 человек, подавляющее большинство, евреи. И это только приблизительные цифры, а точное количество погибших неизвестно до сих пор.

Открытие мемориала "Туфли на набережной Дуная" состоялось 16 апреля 2005 года, накануне 60-й годовщины победы над фашизмом во Второй мировой войне, в день памяти жертв Холокоста.

Стихотворение Мусы Джалиля "Чулочки"

Их расстреляли на рассвете

Когда еще белела мгла,

Там были женщины и дети

И эта девочка была.

Сперва велели им раздеться,

Затем к обрыву стать спиной,

И вдруг раздался голос детский

Наивный, чистый и живой:

-Чулочки тоже снять мне, дядя?

Не упрекая, не браня,

Смотрели прямо в душу глядя

Трехлетней девочки глаза.

"Чулочки тоже..?"

И смятеньем эсесовец объят.

Рука сама собой в волнении

Вдруг опускает автомат.

И снова скован взглядом детским,

И кажется, что в землю врос.

"Глаза, как у моей Утины" -

В смятеньи смутном произнес,

Овеянный невольной дрожью.

Нет! Он убить ее не сможет,

Но дал он очередь спеша…

Упала девочка в чулочках.

Снять не успела, не смогла.

Солдат, солдат, а если б дочка

Твоя вот здесь бы так легла,

И это маленькое сердце

Пробито пулею твоей.

Ты человек не просто немец,

Ты страшный зверь среди людей.

Шагал эсесовец упрямо,

Шагал, не подымая глаз.

Впервые может эта дума

В сознании отравленном зажглась,

И снова взгляд светился детский,

И снова слышится опять,

И не забудется навеки

"ЧУЛОЧКИ, ДЯДЯ, ТОЖЕ СНЯТЬ?"